

Ядов Владимир Александрович (рожд. 1929 г.) – советский / российский социолог, доктор философских наук, профессор, один из основателей современной российской социологии. Им положено начало изучению в СССР / России проблем труда, сформулирована диспозиционная теория личности, написан первый учебник по эмпирическим методам социологии и внесен крупный вклад в подготовку социологических кадров в стране.

В.А. Ядовым опубликовано множество научных работ, важнейшие из которых указаны здесь: Человек и его работа.

Социологическое исследование / Под. ред. А.Г. Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М., 1967; Ядов В.А. Методология и процедура социологического исследования. Тарту, 1968; Социально-психологический портрет инженера ред. В.А.Ядова. М., 1977; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А.Ядова. Л., 1979; Социология в России / Под редакцией В.А. Ядова. 2-е изд. М., 1998; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2007.

Материалы о жизни и творчестве В.А. Ядова: Vivat, Ядов! / Сост. Е.Н.Данилова, Л.А.Козлова, П.М.Козырева и др. К 80-летию юбилею. М., 2009.

Владимир Ядов. ПРАВОФЛАНГОВЫЙ, ИЛИ СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НАЧИНАЕТСЯ С БУКВЫ «Я»¹

Владимир Александрович Ядов – один из зачинателей современного этапа российской социологии, аналитик, стоящий у истоков ряда направлений отечественной науки, автору книг, давно признанных классикой советской социологии, учителю значительной части работающих в стране социологов, создателю ленинградской социологической школы, человеку, много лет возглавлявшему головной академический социологический институт в Москве, одному из лидеров профессионального сообщества российских социологов и ученому, во многом определившему отношение международной общественности к российской социальной науке, редактору регулярных социологических изданий и многих книг, члену различных

¹ Докторов Б. Правофланговый, или советская социология начинается с буквы «Я». 2009 <<http://www.polit.ru/science/2009/04/25/yadov80.html>>.

экспертных советов и многое другое. Уверен, что творчество Ядова станет предметом целенаправленного анализа теоретиков социологии, специалистов в области прикладных исследований, историков и методологов науки, культурологов. Ядов – это не только ученый и учитель, это – личность, которой присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим дух шестидесятничества.

Эти краткие заметки о сделанном и прожитом Ядовым базируются не только на моем многолетнем опыте дружеского общения с ним, но и на рассказанном им о себе в серии наших продолжительных электронных бесед, состоявшихся в последние годы.

В начале весны 1968 года при мне известный ленинградский психолог Евгений Сергеевич Кузьмин (1923–1993) сказал: «Советская социология начинается с буквы “Я”». И по тому, как это было произнесено, я теперь могу утверждать, что то была не спонтанно родившаяся фраза, а итог рассуждений ученого, знавшего логику и процесс развития в СССР смежной с социологией науки – социальной психологии.

Тогда я понял только то, что буква «я» – не местоимение, и несколько позже осознал, что утверждение Кузьмина относилось к Владимиру Александровичу Ядову, фамилия и лицо которого незадолго до того момента нашли друг друга в моем сознании. В 1966–67 годах я не раз слышал от ленинградских психологов фамилию Ядов и многократно видел в НИИ комплексных социальных исследований стоящего в коридоре у слегка приоткрытых в комнату дверей курящего человека с продолговатым лицом, немного напоминающим молодого Бориса Пастернака. Наверное, я у кого-то спросил об этом человеке, столь необычным образом участвующем в семинарах, проходивших в комнате за дверями. Мне сказали, что это руководитель социологической лаборатории Ядов. Познакомились мы в 1968 году, четыре десятилетия назад.

Отчужденные Кузьминым слова уже давно перестали восприниматься мною как метафора, они – правда, и я пытаюсь разгадать, как это он, всего пятью годами старше Ядова, смог столь емко и точно определить место и роль Ядова в постхрущевской российской социологии. Тогда Ядову не было и сорока лет и невозможно было сказать, что будет им сделано в следующие годы. Вывод один: как ученый, изучавший механизмы зарождения науки, Кузьмин понимал, что сделанное Ядовым уже к тому времени – фундаментально, навсегда; как социальный психолог он мог оценить редкостный тип личности Ядова, увидеть его харизму и обнаружить в нем уни-

кального лидера; наконец, как человек цельный, переживший раскулачивание и в 18 лет ставший на фронте инвалидом, он распознал сильный гражданский потенциал Ядова.

После окончания философского факультета ЛГУ Ядова рекомендовали в аспирантуру, но сразу приступить к обучению не получилось. В 1952 году его исключили из партии, обвинив в том, что он при вступлении в КПСС «не написал правду», скрыл, что его отец в 1928 г. состоял в зинovieвской оппозиции. На парткомиссии он объяснял, что отец никогда ему об этом не рассказывал, а когда на втором курсе он вступал в партию, его отец был не только давно восстановлен в партии, но преподавал в вузе историю КПСС. Этого никто не слушал: с интервалом в десять минут их с отцом из партии исключили. Об аспирантуре можно было забыть, и он пошел работать на завод, став учеником слесаря-лекальщика. Вскоре цеховая парторганизация поручила ему вести политзанятия и... предложила вступить кандидатом в КПСС. Биографию его они знали. По воспоминаниям Ядова, он тогда «был совершенным хунвейбином и с радостью подал заявление». Пока дела шли по инстанциям, умер Сталин. И все завершилось как в кино: вместе с отцом его исключали, вместе в один день их восстановили в партии. После этого путь в аспирантуру был открыт.

Этот эпизод в жизни Ядова оказался крайне ценным, в частности, случившееся повлияло на определение тематики его первых серьезных социологических исследований.

Я не стремлюсь к охвату всего, сделанного Ядовым к концу 1960-х, но отмечу три достижения, казущиеся мне важнейшими и во многом определившими направление и дух развития нашей науки.

Начну с того, что им и его коллегой и единомышленником, ныне – известным российским социологом Андреем Григорьевичем Здравомысловым – было проведено крупное социологическое исследование отношения рабочих к труду и издана книга «Человек и его работа» (1967 г.), сразу признанная классикой, переведенной на многие языки и переизданной почти через сорок лет. Исследование показало, что труд – в отличие от заверений партийных идеологов – не превращался в первую жизненную потребность. После одного ядовского доклада член ЦК КПСС академик Митин сказал: «Цифры – это хорошо. Но нам нужны правильные цифры, которые подтверждают нашу теорию!». А этого не было. Книга дала мощный импульс социологическому изучению труда и стимулировала возникновение в стране сети заводских социологических лабораторий.

В 1968 году, по словам Ядова, «родилась в Тарту sereneкая, в мягкой обложке» книга «Методология и процедуры социологических исследований». Несколько лет назад Ядов рассказывал мне: «Живу в маленькой гостинице “Park”, на втором этаже, спускаюсь к завтраку, хозяйка приносит именно мой завтрак и к тому же спрашивает: «Когда Вам принести кофе в номер?» Полный отпад... Утром читаю лекцию, к полудню слушаю аудиозапись, к ночи – текст раздела учебника». Советской социологии редкостно повезло в том, что первый учебник делался на основе лекций, читавшихся в Эстонии. Там не было столь жесткого идеологического прессы, как в русских регионах Союза.

С Эстонией связано еще одно, к сожалению, стремительно уходящее в неизвестность событие, которого не было бы без Ядова. Имеются в виду семинары на хуторе в Кяэрику, состоявшиеся в 1967–1969 годах, на них участники говорили то, что думали, а думали как шестидесятники. Невозможно сегодня рассматривать историю российских социологических исследований общественного мнения и массовой информации, более широко – культуры, не обращаясь к материалам тех самых либеральных социологических форумов.

Вот история из жизни Ядова, относящаяся к периоду изучения отношения рабочих к труду и хорошо иллюстрирующая, как в 60-х советские социологи осваивали международный опыт. В ней фигурирует известный американский ученый Фредерик Херцберг (Herzberg Frederick, 1923–2000) – исследователь динамики удовлетворенности работой американцев. Его книги стали известны Ядову и его коллегам, и они отправили ему письмо «на деревню дедушке» с предложением о сотрудничестве. Через некоторое время Херцберг приехал в Ленинград и согласился провести общенациональный опрос молодых американских рабочих по методике ленинградских социологов без единой поправки. Он выполнил свое обещание..., но переслать сырые данные не мог, цензура не пропускала рулоны с цифирью. Так сложилось, что вскоре Ядов оправился на конференцию в Вену, там к нему подошел какой-то человек и сказал: «Я привез пакет от профессора Херцберга». Возвращается Ядов в Ленинград, а на перроне его уже ждет человек из «органов» и говорит: «У вас пакет из Вены. Прошу мне отдать». Ядов: «Ну, слушайте, надо ворошить чемодан, давайте завтра утром». Соглашается. Звонит Ядов сотрудникам, и они всю ночь переписывают статистику с тех рулонов. Все не успели переписать, а «бондяга» явился поутру, и забрал материалы.

Так в дальнейших публикациях анализ материалов опроса Херцберга был неполным.

Среди университетских преподавателей Ядова, с которыми он продолжал общаться уже став самостоятельным ученым, были два выдающихся психолога Борис Герасимович Ананьев (1907–1972) и Владимир Николаевич Мясищев (1893–1973). В процессе интервью Ядов вспоминал об одной беседе с Ананьевым, в те годы развивавшем междисциплинарный подход к человеку и личности. Однажды он говорил об индивидуальной неповторимости личности и формуле Маркса «личность есть ансамбль *всех* социальных отношений». Ядов через многие годы счит важным отметить: «...Маркса он знал, видимо, в оригинале, потому что в русских переводах «всех» было изъято, а вместо «ансамбль» писали – «совокупность»». Общение с Ананьевым подтолкнуло Ядова к исследованию проблем личности. Мясищев был не только теоретиком, но и опытным психотерапевтом, в свое время – ярким сторонником коллективной рефлексологии Бехтерева. Умирал Мясищев как подлинный ученый, диктовал свои ощущения до последнего вздоха.

Ядов известен не только как социолог, им внесен ценный вклад в развитие социальной психологии и психологии личности. Речь идет о созданной им в 70-х годах диспозиционной теории, упорядочивающей установки личности в некую иерархию. Высший уровень — ценностные ориентации, низший — ситуативные установки. Соответственно, высшие уровни регулируют поведение в долговременной перспективе и в какой-то мере контролируют низшие установки, отвечающие за поведенческие акты в конкретных ситуациях. Ядов указывает, что междисциплинарный (сегодня можно сказать – полипарадигмальный) подход Ананьева к познанию человека и теория социальных отношений личности Мясищева имели огромное влияние на разработку диспозиционной концепции. Так случилось, что Ядов не смог продолжить начатые исследования, и сегодня, насколько мне известно, никто не развивает сделанное им и группой его коллег в 70-х годах. Вместе с тем думается, что и социологи, и психологи через какое-то время обратятся к тем построениям и найдут возможность не только для размещения сделанного четыре десятилетия назад в контексте современных теорий личности, но и углубить найденные тогда выводы.

А сейчас приведу фрагменты рассказа Ядова о том, как «изобреталась» диспозиционная теория...

Я очень интересовался «эффектом ЛаПьера», суть которого в том, что attitudes не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голо-

совать?». Респондент отвечает, но что из этого следует? На моем «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Берталанфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришел в голову термин «диспозиции личности», то есть метафора из воинской терминологии (стратегия, тактика...).

Метафора, уверяют психологи, – пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку [БД: жена Ядова – Людмила Николаевна Лесохина (1928–1992)]. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил остававшийся коньяк, а утром позвонил Леше Семенову, моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию. Лешка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе. <...> Очень заметный вклад внес Володя Магун [БД: Владимир Самуилович Магун – психолог и социолог], он – неповторим. <...> Часами спорим с Володей. Он – кремень. Мне надоедает, и соглашаюсь с его аргументами. Звонит, мерзавец, и спрашивает: «В.А., почему вы со мной согласились? Я считаю, надо еще поговорить».

К концу 60-х годов Ядовым были заложены основы ряда направлений в развитии советской социологии, и многие, задумывавшиеся о профессиональной работе в этой сфере, впервые получили возможность реализовать свой замысел, используя его учебник. Период, начинающийся в 70-х иходящий до наших дней, оказался в жизни Ядова богатым на дела и достижения. Не занимаясь перечислением, укажу лишь направления сделанного Ядовым. В значительной мере благодаря ему в сложные постперестроечные годы был удержан от развала головной академический институт в Москве и создан ленинградский филиал этого института, открылось множество социологических факультетов и кафедр, начала разрабатываться методология изучения трансформирующейся социальной среды. Несколько лет назад я спрашивал Ядова о том, сколько человек под его руководством защитило кандидатские диссертации. Цифры не помню, но или около ста, или более ста. Ядов – суперзвезда многих формальных и неформальных сетей общения российских социологов. Признание отечественной социологии на Западе в значительной степени базируется на высоком международном авторитете Ядова. Его интерес к новому неисчерпаем, и при этом он не выпускает из поля зрения те области, направления развития социологии, которые он когда-либо разрабатывал. Отсюда – его феерическая компетентность и огромное влияние

на ключевые аспекты жизни всего российского сообщества социологов.

Ядов родился в 1929 году, через 12 лет после Октябрьской революции, и – так получается – через каждые двенадцать лет в истории страны происходили крутые переломы, формировавшие и его жизненную траекторию. Когда ему было 12 лет, началась война; в 1953 году – умер Сталин. В 1964-65 годах началась эра Брежнева, через 12 лет перешедшая в период, иногда называемый «культом, без личности». 1989 год – «пик» перестройки, первые свободные выборы народных депутатов СССР. Наконец, 2001 год – возводятся строительные леса для построения вертикали власти и конструирования суверенной демократии.

Это – вехи, размечающие жизнь всех родившихся в конце 20-х и доживших до нашего времени. А вот «частности» из жизни Ядова; это ответ на мое замечание: «Да, твое поколение сильное, оно многое видело и переживало...».

Нам очень повезло. Столько исторических событий за 70 лет! Голод на Украине связан у меня с няней Грушей, которую папа подобрал возле булочной, где она нищенствовала. Ей было лет 16, расписывалась крестиком. Так и оставалась безграмотной <...> После войны получила комнату этажом выше. С ее комнатой связано интересное событие. Позвонил из Москвы Рой Медведев [БД: Рой Александрович Медведев, писатель, политик, правозащитник] – мы дружны со студенчества – и попросил устроить на проживание одного выпущенного из лагеря, а кого – не сказал. В Грунину комнату и поселили. Она говорила, что человек странный: никуда не выходит, сидит за пишущей машинкой, питается хлебом и молоком, что она приносит. Уже теперь Рой сказал, что это был Солженицын.

К июню 1941-го я окончил четвертый класс. <...> В середине июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль – десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!» Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус, и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции все горит.

Я сам занялся социологией труда во многом потому, что в период исключенности из партии работал токарем-лекальщиком. Но все же, я думаю, что именно война заметнее повлияла на социологов «первого призыва». Сужу по себе. После восьмого класса я поступил в летную спецшколу, откуда

ушел как непригодный к полетам из-за чего-то там в вестибулярном аппарате. А еще испанская война, мальчишки росли будущими солдатами в боях за справедливое дело. Думаю, что одним из импульсов в сторону новой науки было подсознательное чувство ответственности перед павшими: нельзя укрываться в окопе, когда можно что-то сделать и потому, «ребята, пошли в атаку на махровых налетчиков!»

Расскажу о самой защите [БД: докторской диссертации], это было в 1967 году. На нашем философском этаже места для желающих присутствовать не достало. Спустились в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака. Я в заключение благодарю тех, кому обязан помощью, и в их числе Хильду Химмельвайт из Лондонской школы экономики и политики. Жуткий скандал. Члены Совета выступают и говорят то-то и то-то. Мы с Люкой и товарищами по лаборатории переживаем в ожидании итогов голосования. Большинство «за». Здорово помогла Галина Андреева [БД: профессор Галина Михайловна Андреева] мой оппонент. Она объясняла Совету, что Химмельвайт – крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

При подготовке книги «Человек и его работа» издательство «Мысль» запросило официальную рецензию у Коли Лапина [БД: профессор Николай Иванович Лапин]. Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации «Человек и его работа в СССР и после». Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура ее изъела в первом издании. Коля, получив подаренную нами книгу, звонит по телефону и говорит: «Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу».

Шота Надирашвили, [БД: директор института психологии им. Д. Узнадзе], которого я полагаю своим другом, говорил: «Установка – это личность». Однажды мы с Верой Водзинской [БД: социолог Вера Васильевна Водзинская, умерла около двадцати лет назад], участвовали в конференции в Тбилиси. Надирашвили не имел к ней отношения. Мы решили его навестить и приехали неожиданно. В доме не было ничего, чем не стыдно накормить гостя. Через полчаса был накрыт роскошный стол: соседи все обеспечили. За столом семья и двое-трое друзей хозяина. В ходе разговора я спрашиваю: Шота, что все-таки есть ганцхоба (по-грузински установка

личности – «ганцхоба»), какие пропорции бессознательного и осознанного? Хозяин говорит (вообрази грузинский акцент): «Мэри, принеси еще вина». Приносит: «Теперь, Володя, сделай из этой бумажки воронку и заткни пальцем внизу. Друзья, отлейте из ваших бокалов немножечко нашему дорогому гостю. Отними палец и выпей. Можешь сказать какие пропорции в этом восхитительном напитке? И я не могу сказать. Ганцхоба – это ганцхоба.

Путч Янаева и других «героев», как многие их именуют нынче, застал нас на эстонском хуторе. Люка отговаривает ехать в Москву, говорит, что эта революция уже «не наша». <...> Я звоню в институт, чтобы использовали типографию для размножения листовок. Тем временем к Таллину подходит танковая колонна из Ленинграда. Прибежал сосед Энн Вахемаа и предлагает спрятать нас у него на чердаке. Говорит: «Чердак большой, лес рядом». Танки командующий Ленокругом повернул назад, народ бросал цветы танкистам. <...> Нынешние суждения о путчистах представляются мне кощунственными. Вижу на телеэкране эстонского ТВ танки. Если бы они одолели, мы имели бы войну с тремя балтийскими государствами, страшнее Чечни, и не исключено – с введением миротворцев ЕС. Узники Бутырки не должны сидеть в Думе.

В общем, жизнь моего поколения перенасыщена историей отечества. Не говорю уж о том, что не мог себе вообразить, что доживу до нового тысячелетия. Я пережил не только Люку, но по возрасту и обоих родителей. Поэтому вполне справедливой полагаю встречу с ними в загробном царстве, в каковое, увы, не верю. Да и тоскливо должно быть современному человеку в раю: созерцать Господа и наслаждаться красотами Эдема. Это рабы мечтали об освобождении от непосильного труда. Игорь Кон [ВД: профессор Игорь Семенович Кон] сказал однажды: почему бы не изучать образ смерти, не только образ жизни? Он прав. Образ смерти столь же важен для понимания культуры и человека, как и образ жизни.

Я причисляю себя к российским патриотам прозападной ориентации, то есть приверженцам либерализма, демократии (социал-демократии в политических терминах), и потому надо сделать поправку на неизбежную предвзятость моих рассуждений. Вполне допускаю, что приобщение многих социологов к православию искренне, хотя по своему советскому воспитанию понять это не способен. Я извлек из своего университетского образования, что религия и наука – полярны, а из работ классиков социологии выучил, что это особый социальный институт, играющий важную роль в стабилизации социокультурной системы. Раскол в среде

отечественных социологов вполне объясним постсоветской ситуацией в обществе, утратившем ценностные ориентиры, но, думаю, что наша профессиональная и гражданская миссия состоит в том, чтобы оставаться в пределах взаимоправительной полемики-дискурса, участники которого артикулируют свою позицию, но не стремятся навязать ее оппоненту.

Личность Ядова, его гражданские идеалы наиболее активно формировались во время политической оттепели. Он оказался внутренне готовым к тому, чтобы стать шестидесятником, и стал им. В годы застоя власть крепко испытывала прочность его идеалов: редко – пряниками и обильно – кнутом, но ничего не получилось. Он остался самим собою. Шестидесятнический потенциал Ядова был востребован в начале перестройки, он был назначен директором Института социологии РАН в Москве. В 2000 году он оставил этот пост, но и в самые последние годы Ядов страстно защищает российскую социологию от попыток внести в нее «особые» идеологемы и развивать ее вне контекста мейнстрима.

В годы перестройки и ослабления идеологического пресса отношение к марксизму как философской базе всех социальных наук в СССР, в том числе – социологии, стало меняться. Безусловно, оставались те, кто не хотел или не мог взглянуть более широко на марксизм и остался на позициях истмата. Многие из тех, кто прежде называл себя научными коммунистами, кто работал в идеологических отделах КПСС и ВЛКСМ, быстро «переквалифицировались» в социологов и политологов и при этом мгновенно «открестились» от своей преданности марксизму-ленинизму. Ядов много раньше других заметил, что прежние дискуссии о предмете социологии, прежде всего, сводились к тому, в какой мере та или иная новая концепция противоречит марксистской философии, но они не допускали расширения собственно научной и мировоззренческой платформы советских исследователей общества. Он стал одним из тех серьезных ученых, кто начал искать новые теоретические основы российской социологии, отстаивая принципы полипарадигмальности. Если совсем кратко, то речь идет о построении системы взаимосвязанных теорий, идей, позволяющих создавать обоснованное и достоверное знание о социальном мире. Естественно, что полипарадигмальный подход базируется на использовании многих теорий, и марксизм – одно из величайших достижений социальной мысли, занимает в нем достойное место.

В один из моментов нашего разговора «за жизнь» я спросил Ядова, не чувствовали ли социологи первого поколения своей

скованности в силу того, что им приходилось работать лишь в рамках марксизма. Ядов ответил: «определенно был марксистом, и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории», в которой Маркс стоит рядом с Вебером. И пояснил, что он и группа его единомышленников была теми марксистами, которых позже назовут шестидеятниками.

А затем вспомнил о семинаре, на котором «архитектор перестройки» Александр Николаевич Яковлев говорил о социальных теориях XIX века, которые, по его мнению, войдут в следующее столетие. При этом он долго «выругивал» (Ядов использовал лексикон своей внучки) Маркса. Начались вопросы. Друг Ядова, социолог Леонид Абрамович Гордон (1930–2001) встает и с места говорит: «Александр Николаевич, я никогда не был членом партии, вы были секретарем ЦК по идеологии. Что вы все-таки находите ценного у Маркса?» Оратор бросает в ответ: «Если хотите найти ценное, пригласите другого докладчика». Когда Ядов рассказал эту историю Владимиру Эммануиловичу Шляпентоху, тот моментально среагировал: «Вот тебе пример “кассетного мышления” – одну кассету вынул, другую вставил».

Изучение творческой и личной биографии Ядова – кратчайший и эффективнейший путь к исследованию траектории пятидесятилетнего развития постхрущевской российской социологии. Через его жизнь можно проследить первые шаги советской социологии, осознание ею своей самостоятельности и начало борьбы пионеров науки за признание этой самостоятельности идеологическими и властными структурами СССР. Можно увидеть, как советские социологи овладевали правилами программирования теоретико-эмпирических исследований, новыми математическими методами и вычислительной техникой. Оказывается возможным узнать, какие сложности приходилось преодолевать ученым, чтобы информировать общество о получаемых результатах, какой хитрый язык для этого приходилось использовать, как трудно было преодолеть внешнюю цензуру, и как тяжело было побороть свои собственные страхи. Ядов – один из центральных элементов всей системы профессионального общения советских/российских социологов, и рассматривая коммуникационные цепочки, входящие в этот «центр» и выходящие из него, можно войти в творческие лаборатории многих ведущих социологов страны.

Ядов – не только ученый и гражданин. Наряду с этим существует Ядов как феномен профессионального общения. Он всегда в ожидании нового, в настрое на узнавание, он всегда

щедр на советы и консультации тем, кого он давно знает, и кто пришел к нему впервые. У него самоуважение много сделавшего свободного человека. Ему уникальным образом удается совместить глубочайшее погружение в проблемные области науки с откликом на текущие события жизни. Ядов – интеллеktуал, но в нем есть нечто от земных платоновских героев, понимающих мир нутром. С таким талантом можно лишь родиться. Но одновременно этот природный дар дополнен традициями шестидесятничества и глубоко пропитан духом петербургско-ленинградской культуры.